

Ключ к разгадке сущности человеческого духа

Полина Кочина (магистерская программа «Иностранные языки и межкультурная коммуникация»)

Язык – одно из самых привычных, но вместе с тем одно из самых неоднозначных явлений в нашей жизни. Его происхождение и устройство по сей день вызывает множество вопросов, на которые трудно дать точные ответы. Поэтому порассуждаем вслед за Г. Шпетом, проанализировавшим в своем труде «Внутренняя форма слова» важнейшие тезисы Гумбольдта о языке. Попытаемся разобраться в связи языка с человеческим духом и доказать, что язык – вернейший ключ к пониманию его сущности.

Язык и народный дух

В наши дни ни у кого не возникает сомнений в том, для чего человеку нужен язык. В первую очередь язык для нас – инструмент. С помощью него мы делимся

своими мыслями, расспрашиваем, просим, объясняем. Другими словами, язык – это средство коммуникации.

Хорошо ли, плохо ли, но в целом мы понимаем друг друга: обмениваемся идеями, делимся впечатлениями, отвечаем на вопросы и выполняем просьбы. Но на одном ли языке мы общаемся? Не задумываясь, можно ответить: да, если разговор ведется на русском, английском, немецком или любом другом языке, знакомом всем участникам разговора. Так ли это? При более вдумчивом рассмотрении языков оказывается, что одно и то же предложение или даже слово может быть понято по-разному даже носителями одного и того же языка. Отсюда многочисленные недопонимания, противоречия и разногласия. А сколько существует самых

разных интерпретаций одного и того же художественного произведения! Казалось бы, исследователи читают одну и ту же книгу, написанную одними и теми же словами, но сколько разных смыслов они в ней находят...

Очевидно, что если даже носители одного языка не всегда совпадают в понимании одной и той же фразы, сколько различий скрывается в словах, которые считаются эквивалентными в разных языках! Например, анализируя русскую литературу, филологи отмечают невероятную сложность передачи средствами другого языка концепта тоски. Несмотря на существование синонимичных слов в других языках, русское понятие, скрывающееся за словом «тоска», имеет свое уникальное значение, слишком сложное и многогранное, чтобы полноценно передать его одним иноязычным словом.

Откуда произошли такие различия? Почему далеко не всегда можно поставить знак равенства между словом и его иностранным аналогом? Почему переводчик никогда не будет довольствоваться двуязычным словарем и обязательно будет обращаться к толковому?

Слово – это знак, за которым скрывается предмет, явление, понятие. Каждый из нас в силу индивидуальных различий в восприятии мира видит его немного по-разному. Если представители одной национальности успешно приходят к единой договоренности о том, как обозначать то или иное понятие, о котором они имеют достаточно сходное представление (и то, заметим, не всегда: даже в одном языке одному понятию может соответствовать несколько синонимичных слов), то для представителей разных национальностей знаки, соответствующие одному и тому же понятию, вряд ли будут совпадать.

В силу культурных различий мы видим одно и то же немного по-разному. Русский человек использует слово «дом», говоря, как о любом здании, так и о месте, где он живет, о домашнем очаге. Очевидно, русский менталитет устроен так, что разграничивать эти два понятия не так важно. Напротив, для англичанина одного слова для обоих понятий будет недостаточно: в первом случае он скажет “house”, во втором “home”. Понятие home имеет большое значение в английской культуре – это и родина (homeland), и семья, домочадцы, и личное пространство, оберегаемое человеком. Англичане бережно сохраняют этот концепт дома в своем языке: вспомним хотя бы пословицы “**East or West – home is best**”, “An Englishman's home is his castle”, “There is no place like home”. Слово home имеет ощутимую культурную и эмоциональную нагрузку, house остается нейтральным. Русский переводчик может передать оба слова русским словом «дом», но далеко не всегда оно будет полноценным эквивалентом английскому слову.

Этот пример наводит нас на мысль о том, что изучение языка может стать ключом к пониманию национального менталитета, иначе говоря, «народного духа», о котором рассуждали многие видные ученые: Г. Гегель, Х. Штейнталь, М. Лацарус, В. Вундт... Понятие национального духа может быть определено и истолковано по-разному. В него вкладывают религиозные представления народа, его философское мироощущение, психологические особенности, национальное самосознание. В любом случае, речь идет о некоей коллективной индивидуальности. На первый взгляд это звучит, как оксюморон, но на деле означает лишь совокупность общих для представителей того или иного народа черт характера, типичного для них образа мышления и поведения, разделяемых ими убеждений и привычек. Именно эти характерные особенности народа создают его неповторимый портрет, который угадывается в той или иной степени в любом из его представителей. А отражение этого портрета мы найдем в культурном наследии нации, одним из важнейших компонентов которого, безусловно, является язык.

Особенности национального сознания можно обнаружить в лексическом составе языка, его грамматических категориях, закономерностях построения высказываний. Можно привести множество языковых примеров, демонстрирующих различия в языковом сознании разных народов. Так, в тайоре, одном из коренных австралийских языков, нет слов, обозначающих «право» и «лево», поскольку аборигены для ориентирования в пространстве пользуются сторонами света. Даже приветствие на этом языке будет звучать не как «Здравствуйте!» или «Добрый день», а «В какую сторону вы идете?», и ответить на это приветствие можно, только точно обозначив свое направление. Носитель французского языка представляет хронологическую последовательность событий слева направо, носитель арабского – справа налево. Выходит, что время «течет» для них в прямо противоположные стороны. Само выражение категории времени также может различаться в разных языках: в гренландском языке не маркируется будущее время, а в китайском глаголы вообще не изменяются по временам. На лексическом уровне стоит вспомнить, например, различия в наименовании цветов: прилагательным «синий» и «голубой» в русском языке будет соответствовать английское “blue”, и носитель английского языка не делает различия между этими двумя цветами. Также изучающий иностранные языки не может не заметить разницу в принадлежности существительных к тому или иному грамматическому роду. Для носителей немецкого языка солнце – слово женского рода, для носителей французского языка – мужского. Подсознательно они приписывают солнцу

женские и мужские характеристики, в то время как для носителя русского языка солнце останется без гендера.

Различия между языковыми системами разных народов налицо, но возникает вопрос: что же первично? Отражается ли специфика мировосприятия нации в языке? Или строение языка обуславливает национальное сознание?

Безусловно, структура языка первоначально подстроилась под определенные представления народа, его логику. Но в дальнейшем в процессе мышления и общения представители этого народа будут действовать в рамках именно этого языка, подсознательно отталкиваясь от его структуры. Так, например, говоря о каком-либо происшествии, носитель английского склонен упомянуть того, по чьей вине оно произошло. Он скажет: «Мария разбила вазу». А традиции испанского языка заставят говорящего сказать: «Ваза разбилась», не называя агента этого действия. Исходя из этого, можно утверждать, что английский язык предрасполагает его носителей к большей ответственности, тогда как испанский позволяет абстрагироваться, отдалиться от ответственности за случившееся. Таким образом, устройство языка будет неизбежно влиять на построение логических суждений и формирование отношения к предметам и событиям.

Язык и идея

Интересно обращение Г. Шпета в его работе «Внутренняя форма слова» к идее В. Гумбольдта о том, что язык – это «такая форма воплощения духа и идеи, без существования которой для нас не было бы ни духа, ни идеи». Анализируя этот тезис, Шпет выясняет, что, по Гумбольдту, язык – это форма порождения и сообщения идей¹. Согласиться с этим сразу непросто, ведь далеко не всегда наши идеи приходят к нам в форме слов и, тем более, законченных предложений. Часто идея зарождается в виде мимолетного, неуловимого образа, ощущения, фантазии – поначалу мы не всегда сможем ее сформулировать. Однако если такое подсознательное ощущение идеи перейдет на уровень сознания, оно не замедлит принять словесную форму: мы начнем обдумывать ее, и она обратится в нашу внутреннюю речь. Пожалуй, только тогда она и станет законченной идеей – лишь вербализуя нашу идею, мы полноценно осмысливаем ее. Можно сравнить это осознание идей с формированием вкусовых

---

¹ Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. С. 33.

предпочтений человека: поначалу он подсознательно выбирает что-то, к чему имеет склонность, а затем про себя замечает: «Это мне нравится, потому что...», и впредь он будет делать сознательный выбор, который сможет обосновать.

Как только мы захотим поделиться идеей, мы передадим ее посредством языка, поскольку мы не способны поделиться ей никаким другим способом. Лишь люди, обладающие чрезвычайно схожим опытом, складом ума и представлением о мире, способны интуитивно почувствовать, угадать идеи друг друга, когда они «витают в воздухе». Не обладай люди речью – наиболее совершенным инструментом для обмена идеями, – они оказались бы ограничены своим внутренним миром и были бы гораздо менее взаимосвязаны друг с другом духовно. Следовательно, и формирование народного духа было бы невозможно (ведь он складывается из накопленных за многие столетия идей), что заставляет нас полностью согласиться с гумбольдтовской идеей о том, что без языка не было бы ни идей, ни духа.

Шпет идет еще дальше, рассматривая сам язык не только как социальное явление и психофизический процесс, но и как собственно идею, не только как продукт, но и «как производство, как энергию»². То есть, если мы уйдем от взгляда на язык как на инструмент для передачи идей или на зеркало, в котором мы можем их рассмотреть, мы можем говорить о языке как о самостоятельной идее, принципе, понятии. Здесь Шпет призывает нас отвлечься от психофизических процессов и фактов речи и обратиться к языковому сознанию, которое входит в «общную структуру сознания». Гумбольдт прибегает к термину «энергея» по отношению к языку; Шпет раскрывает его при помощи понятия духовной деятельности. Как форма духовной деятельности язык заложен в природу человека.

Добавим: каждый из нас – языковая личность, и язык, которым мы владеем, является частью каждого из нас. (Если мы владеем несколькими языками, то обладаем не одной, а несколькими языковыми личностями, сосуществующими одновременно.) Язык – неотъемлемая часть и форма нашего сознания, как индивидуального, так и коллективного, народного. И духовная деятельность человека неотделима от языка.

Единство внешней и внутренней формы

В связи со взглядом на язык как на идею невозможно не упомянуть еще один важный мотив, который затрагивает Шпет в своем анализе философии Гумбольдта, а именно сопоставление

---

² Там же. С. 35.

языка с искусством. С одной стороны, между ними можно усмотреть сходство: оба создаются благодаря деятельности духа. С другой стороны, согласно Гумбольдту, язык является скорее творением рассудка, а искусство есть «дело и функция воображения». Что же важнее в языке и в искусстве, этих результатах объективации духа - рассудок или воображение? Гумбольдт видит здесь противоречие: самодеятельность и свобода ограничиваются реальными условиями. Однако Шпет возражает, что воображение и разум, равно как случайность и необходимость, внешняя и внутренняя формы, «образ» и смысл не являются противоречием. Согласимся ли мы с ним?

На наш взгляд, язык является полноценным продуктом творчества, как и любое произведение искусства – литературное, музыкальное или любое другое. Он воплощает в себе представления людей о вещах, явлениях, понятиях, облекая их в форму слов подобно тому, как композитор облекает свои эмоциональные переживания в мелодию, а писатель передает свои мысли через сюжет романа. Однако здесь мы говорим о коллективном творчестве. Язык – порождение воображения народа, «продукт» народного духа. Но говорить о нем как о создании, «продукте», было бы невозможно, если бы он не имел материальной формы. Представления, понятия, образы запечатлены в словах. И хотя слова – лишь оболочка, внешняя форма, в которой дух выражается при помощи звуков, не связанных с ним напрямую, иной способ воплощения духа пока трудно себе представить.

Слово, по Шпету, заключает в себе двойное единство: звука и понятия. Отделять звук от понятия не следует, поскольку слог или связь слогов становится словом, то есть знаком отдельного понятия, лишь тогда, когда он содержит значение. Границей образующей самодеятельности языка Шпет называет объем слова. Безусловно, словотворческие способности языка не безграничны, однако язык вряд ли смог бы обрести четкую форму, не будь он ограничен существующим набором звуков, их сочетаемостью, а, следовательно, и допустимым объемом слова.

Пожалуй, наиболее уместно в данном случае сравнение языка с поэзией. Поэтическое произведение содержит в себе прежде всего эстетическую информацию, то есть такой вид информации, который передает чувства, возникающие от оформления ее самой. Текст стихотворения – и средство передачи информации, и собственно ее объект. Красота стихотворения не только в образе, который оно передает, не только в вызвавшем его настроении

---

³Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. С. 63.

⁴Там же. С. 19.

или эмоции, но и в том, как оно организовано: в его размере, рифмах, в использованных автором выразительных средствах – метафорах, эпитетах и пр. Язык же содержит в себе сознание народа, отраженное в словах, но народный дух также живет в языке, т.е. язык является и средством выражения человеческого духа, и частью самого человеческого духа. Таким образом, признаем в языке единство формы внешней и формы внутренней, как признаем единство звучащей мелодии и эмоциональным переживанием, воплощенном в ней.

Языковая форма

Одним из не до конца проясненных Гумбольдтом аспектов в отношении языка Шпет называет место внутренней формы в живой структуре слова. Языковая форма, выясняет Шпет, это не отвлеченный элемент языка и не случайное его эмпирическое проявление, а язык «в своей действительной сущности»⁵. Язык не стабилен, он постоянно изменяется и развивается именно потому, что является энергией, работой человеческого духа. Поскольку эта работа производится некоторым единообразным способом, появляются и языковые формы, то есть конкретные принципы, образующие язык. Их следует рассматривать как приемы, способы осуществления духовной энергии. Поэтому Гумбольдт, а вместе с ним и Шпет, призывают не рассматривать форму языка как грамматическую форму или законы словосочетания, или словообразования (что было бы упрощенным взглядом на язык, подходящим лишь для элементарных учебных целей), а применять это понятие по отношению к образованию «основных слов», что поможет познанию сущности языка.

Согласимся с этим утверждением и добавим, что язык в принципе не следует рассматривать как нечто статичное, неизменное. Как уже было сказано выше, язык, будучи частью человеческого духа, живет и постоянно изменяется, как постоянно изменяется человеческий дух. Эту динамичность развития языка мы можем наблюдать в изменениях лексического состава языка (он обогащается новыми словами и отвергает старые), в изменении значений слов (что отражает изменения в представлениях народа о понятиях, обозначенных этими словами), в фонетических и грамматических изменениях. В отношении языка будет не очень справедливо говорить о законах: структура языка не продиктована свыше и не несет принудительный характер. Правильнее было бы говорить о языковых закономерностях, то есть наиболее удобных

---

⁵ Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. С. 60

для человеческого духа способах существования и самовыражения. Итак, не будем отделять форму от содержания – отношения между ними переходящие, как выясняет Шпет, и то, что в одном случае считается формой, в другом случае может оказаться содержанием – и не будем определять для языковой формы законы и рамки: в ней «живет» человеческий дух, который действует свободно в своем поиске наиболее ясного и верного пути самовыражения.

Речь и душа

Наконец, если до сих пор в разговоре о языке и человеческом духе мы обращались в основном к духу народа и национальному мировоззрению, возникает вопрос: можно ли в языке найти индивидуальные проявления человеческой души? Иначе говоря, может ли язык помочь разобраться в душе не целого народа, а отдельного человека?

Ответим: язык – нет, а речь – да. Подобно тому, как язык облекает народный дух и общенациональные представления о предметах и явлениях в слова, речь помогает человеку выражать свои идеи с помощью этих слов. Речь каждого человека индивидуальна, неповторима. Каждый человек наделен речевыми особенностями: уникальным голосом, специфическими интонациями и произношением; каждый подбирает наиболее подходящие его душе слова; для каждого характерна своя манера построения фраз, свой способ формулирования и изложения мыслей. Если бы мы захотели заглянуть в душу какого-нибудь человека, возможно, лучшее, что мы могли бы сделать, – это тщательно проанализировать его речь.

Подведем итог нашим размышлениям. Мы разобрались в том, что язык - не просто форма или инструмент для коммуникации, а энергия, идея, живой организм. Язык дает нам ключ к пониманию народного духа, речь – к пониманию человеческой души. Таким образом, мы приходим к выводу: через язык можно проникнуть в сущность человеческого духа, внимательно изучая слова в единстве их внешней и внутренней форм.

Библиография

Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольта. Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006